

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТАИНСТВА: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ФИЛОСОФСКИЕ ТРАНСКРИПЦИИ

Костенич Владимир Анатольевич

доцент кафедры философии учреждения образования «Могилевский
государственный университет имени А.А. Кулешова»;
кандидат философских наук, доцент (г. Могилев, Беларусь)

Религиозное сознание, по мнению Гегеля, представляет собой такую размерность «абсолютного» Духа, которая в семантике литургических форм практикует пафосные священнодействия с некими «предельными мировоззренческими событиями», выступающими в качестве «таинств». Таинства не поддаются лобовой атаке рационалистического дискурса, свидетельствуют об «Абсолютном» в лексике иносказаний; вызывают к экстатическому отклику наших душевных треволнений; переводят человеческие переживания бытия из статуса «обыденных» в ранг «откровений» Истины и Смысла. *В актах крещения, причастия и уже с ними*, (религиозный) человек экзистенциально соучаствует в приобщении к «духу святому» трансцендентальной «плоти» Изначального. Взыскует и вкушает «божественные», по своей сути, содержания бытия. Прорывается к неопалимой купине «светлой тьмы Первых Слов Творения».

Таинства не столько «утаивают», сколько «таят». Они приобщают к драматическому путешествию в «недра несказанного», опосредуют (солнечные) Лики (божественного) смысла от ожогов гордынь разума. Человек вовлекается в глубинную порождающую грамматику «страха и трепета» перед иконописным лицом «говорящего молчания». Он испытывает очищающее смятение сакральных недоумений; вступает в пронзительный диалог с лабиринтами своих повседневных забот; начинает слышать глубинный ропот своей растревоженной сущности.

О какой же «Тайне» беседуют с человеческим естеством религиозные таинства? Какова их бытийная мелодия? Из какого мировоззренческого источника черпают они свою сюжетную нарративность? Каким образом они *длят* свою «смыслосущность» в иных (например, философских) практиках существования? Для ответа на поставленные вопросы следует, на наш взгляд, обратиться к некоторым мифологическим архетипам структурирования (смыслов) бытия, фокусирующим мировоззренческую герменевтику духовного освоения мира на центральном «событии» всего мироздания: «синергетических» сюжетах «сотворения» Космоса из Хаоса.

Хаос, в его мифологическом переживании, характеризует собой не столько «банальный беспорядок» в основах бытия, сколько, временно не артикулированную в каких-либо опредмеченных формах и версиях, «бездну (неоднозначных) возможностей», нелинейную динамику виртуальных состояний, бифуркационно чреватую как «порядком оформившейся стабильности», так и катастрофами революционных турбулентностей. Хаос – это и бытие в его изначальных проявлениях, и *бытие Смыслов (бытия)* в их темпоральной перспективе.

Космос же символизирует собой все то, в свершившихся проявлениях сущего, что обретает «антропологическую вменяемость» человекообразности бытия, оказывается «накопителем» антиэнтропийных «долгоВечностей» бытия и Смысла; *чудесным (таинственным!)* образом расширяет территории, *отвечанной у Хаоса смертности, символической Вечности!*

Отсюда проистекает и тот особый интерес, который обнаруживает (уже) мифологическое сознание к «тайнам-таинствам» рождения Космоса из Хаоса. К описаниям (хотя бы ритуального) «подключения» (каждого!) человека в это «знаменательное событие». К испытаниям на «вселенскую отзывчивость» человека к судьбам бытия в микроблогах его индивидуальной биографии и интенции (с)мыслить.

Зарождается духовная *традиция причастного поворотимства и сродственности* божественных трансцендентностей («внешнего») изначального бытия (точнее, зовов «хаосоподобных изначальностей») и, зеркально симметричных им, «имманентных трансцендентностей» собственной человеческой «глубины», по-платоновски «вспоминающей» свою «смысловую высоту» в актах религиозных литургий и философских напряжений.

Ключевым словом, объемлющим все эти варианты «борьбы за Смысл» (в «бездне флуктуирующих возможностей») оказывается слово «испытание», как мировоззренческая «пытка попыткой» общаться на «языке временностей» с чем-то «навсегда» (за)горизонтным, манящим «крупицами прозрений» в нагладу за «мужество быть» вечным странником по катакомбам своей нужды в подлинном существовании.

Центральным «местом-событием» мифологического Мира является «праздник», который *разворачивается посредством различного рода «ритуальных практик»*, вокруг так называемого «Мирового Древа». Последнее является символическим маркером того «Места-События», где (однажды «впервые») Космос возник из Хаоса. «Таинство» осваиваемого «хаосного» бытия происходит в «праздничной атмосфере обрядов Инициации», в процессе прохождения «болезненного междумирья» телесных, душевных и духовных «перегрузок». Они (кон)центрируют испытуемого на встречах с его способностью ответственно самоопределяться со своим (уникальным) «предназначением», через усилия преодоления инфантильностей «детства» и сопутствующих им «откатов разума» в свету исполнимости.

Во время (первобытного) праздника, как правило, отменялось подавляющее большинство социальных запретов и табу. Обычному человеку позволялось вести себя достаточно стихийно и самопроизвольно (т.е. «хаосно»). Это «инобытие» допускалось с той целью, чтобы:

Иносказательно поместить человека в ситуацию «отсутствия» Космоса (или «первичного Хаоса»)

Превратить самого человека в (символическое) подобие Хаоса и источник (творящего) Хаоса, посредством его «своевольного существования и иномыслия».

Побудить человека, исходя из *собственных усилий*, превозмочь соблазны, искушения и «втиеватости» хаосного бытия и восторжествовать над ними, осуществив их духовную ассимиляцию и смысловое (само)преображение.

В результате этой победы, каждый (обычный) человек оказывался *индивидуально приобщен к соавторству порождения Космоса из Хаоса, к торжеству космических содержаний над шифrogramмами Хаоса*. В самой этой процедуре «праздничного опробывания» своих собственных бытийных ресурсов, человек начинал конституировать будущие сценарии своего духовного подвижничества. В дальнейшей человеческой Истории, мифологическая последовательность ритуальных алгоритмов, предписывавшая определенную «канву» жизнедействий, постепенно трансформировалась в религиозную хореографию литургических канонов, а также в мировоззренческие штудии над смыслом жизни различного калибра «мудрецов-любимудров».

Более того, «внутри» этих технологий смыслополагания, как их «таинственный голос и код», как «Космос в виртуальностях Хаоса», как «Бог в кантатах Творения», как «Мудрость в сетях словопрений» имплицитно обнаруживаются и культурно-исторически тиражируются *порывы к пониманию*, богоискательство Творца, жизнестроительство экзистенциалов мудрости, диалектика воссоздания универсальных смыслов из какофонии номиналистических разнообразий.

Если «мировым деревом» религиозного дискурса, экспонирующим его центростремительные конфигурации, выступают «таинства» приобщения верующего человека к «вездесущности Творца» и литургическое празднество их сакрального бракосочетания под сводами храмов и молитв, то в архитектуре философского дизайна бытия эту роль играет «междумирье философствования».

Именно здесь, в духовных событиях потрясенности «обычного человека» *таинствами его смысложизненных тревог*, в антиномичном распятии между объективным и субъективным, вселенским и личным, идеальным и несовершенным, анонимным и самобытным, «своим и чужим», рациональным и иррациональным, испытываются на осмысленность и жизнестойкость гимны человеческой антропологии!

В актах философствования человек свидетельствует о своей «священной потребности» причащаться к тайнописям рождения Смысла, извещающего его о встрече со своей «космической мощью» Понимать мироздание и Ответственность за свое «сотворческое» место в нем!

Философствование – это секуляризованное таинство крещения Смыслом, духовное испытание исповедями бытия! (Про)зрение... тайн!